

Коинобори — разноцветные флаги-карпы — Годзё Сатору видел далеко не впервые.

День мальчиков считался традиционным праздником. Даже консервативный, скованный вековыми устоями клан Годзё неизменно устраивал его для своих отпрысков. Каждого пятого мая главную усадьбу традиционно украшали парящие в небе бумажные рыбы.

Вот только бездушные полотнища, которые развешивали клановые старейшины, не шли ни в какое сравнение с флагами, что смастерил своими руками старший брат, вложив в них искреннее пожелание счастья.

Годзё Акихара с мягким любопытством оглядел притихших подростков.

— Не нравится? — спросил он.

Свои первые коинобори он мастерил наспех, отчего те вышли немного угловатыми. Заметив замешательство Сатору и Сугуру, Акихара решил, что мальчишки попросту разочарованы его скромной работой.

— Ладно, признаю, вышло кривовато, — улыбнулся он. — Вечером можем сесть и сделать новые вместе. Ну или просто купим в лавке готовые.

По традиции полный комплект коинобори олицетворяет всю семью: от отца и матери до каждого ребёнка. Акихара же склеил флаги только для Сатору и Сугуру. Вешать здесь карпов для четы Гето было бы странно, а собственные родители Акихары и Сатору давно превратились в безликие тени, призраков из прошлого, о которых никто в этом доме не вспоминал.

Сатору, мигом сообразив, в чём дело, воодушевленно воскликнул:

— Мы обязаны сделать карпа для тебя, братик!

На родителей им было плевать, но старший брат заслуживал собственного флага больше всех на свете.

Сугуру Гето на секунду задумался, а затем кивнул, соглашаясь с другом.

— Акихара-сан сделал коинобори для нас, так что его флаг смастерим мы с Сатору.

— Нам очень нравятся твои подарки, брат Акихара. Позволь нам с Сатору ответить тем же.

Хоть Акихаре в этом теле едва исполнилось шестнадцать, его зрелость, сила и пугающая хватка заставляли окружающих забывать о возрасте. В их маленьком кругу он давно сочетал в себе

роль любящего старшего брата и мудрого опекуна. Собственный бумажный карп не только укрепил бы его статус главы их скромного семейства, но и восполнил бы пустоту прошлых лет, когда праздники обходили его стороной.

Сатору просиял. Идея Сугуру была чертовски хороша — не зря они считались лучшими друзьями, понимающими друг друга с полуслова.

Мальчишки тут же увлеклись спором о том, в какой цвет раскрасить чешую для коинобори Акихары, напрочь позабыв обо всех вопросах, с которыми изначально пришли.

Вскоре пришло время обеда. Лишь когда Акихара избавил Киёкадзэ от яда, Сугуру спохватился и отозвал своего проклятого духа, всё это время удерживавшего пленника в углу.

Проведя вечность в пыльном углу, Киёкадзэ растерял всю свою злость и обиду, погрузившись в абсолютную апатию. Кое-как поднявшись с пола, он замер. Кто-то протянул ему очки, оброненные им в комнате во время неразберихи.

Без стёкол при его чудовищной близорукости мир превращался в размытое месиво, лишая его половины дееспособности. Он бы поднял их ещё тогда, но едва натянул руку, как снаружи раздались шаги Сатору и Сугуру. Чтобы сцена отравления выглядела максимально убедительно, Киёкадзэ пришлось пожертвовать зрением и остаться лежать беззащитным слепцом.

Впрочем, этот экспромт сыграл ему на руку: нелепый, невидящий взгляд пустых глаз с лихвой компенсировал отсутствие актерского таланта и заставил мальчишек поверить в его предсмертную агонию.

— Спасибо, — негромко пробормотал Киёкадзэ.

Благодарность предназначалась Сакуносукэ Оде, который бережно поднял и протянул ему очки. Ода лишь молча качнул головой — пустяки, мол.

Компания дружно потянулась вглубь виллы. Проходя мимо гостиной, Акихара растолкал мирно спавшего Сигму.

Парень схватился за виски и уставился на окруживших его людей мутным взглядом.

— Я... а почему я здесь? — выдавил он с глуповатым недоумением.

Ну всё, Сигма окончательно растерял последние крохи ума.

Бегло осмотрев его, Акихара убедился, что физически парень полностью здоров. Пострадала

лишь память — из неё начисто стёрло последние несколько часов. Акихара решил не томить присутствующих загадками и поведал Сатору с Сугуру всю подноготную инцидента, попутно восстанавливая для Сигмы хронологию его внезапной амнезии.

Когда Киёкадзэ и Дадзай Осаму вернулись со всеми покупками, Акихара как раз зашёл в дом.

Внезапное желание Акихары лично встать у плиты родилось из лёгкого каприза, искусно подогретого подстрекательствами Дадзая. Тот вкрадчиво напомнил, что завтра наступает День мальчиков, а значит, по канону дому положены коинобори и ритуальные угощения для отпугивания злых духов — вроде традиционных рисовых пирожков касивамоти.

Изначально Осаму предлагал разделить обязанности: Акихара мастерит флаги, а он берёт на себя кухню. Но старший Годзё рассудил иначе. Он верил, что приготовленная им лично пища обретёт особую исцеляющую силу и укрепит здоровье близких. Решив не мелочиться, он заменил обычные продукты первоклассными ингредиентами из глубин иного мира.

— Кто же знал, что кулинарный гений господина Акихары затмит даже мои скромные таланты, — с притворно-восхищённым вздохом обронил Дадзай, крутившийся рядом.

Снискать похвалу от этого шельмы было непосильной задачей даже для Киёкадзэ, прирождённого повара. Но Акихаре это удалось без труда.

Разумеется, кулинария — дело наживное. При должном усердии любой способен научиться готовить сносно. Но вот превратить обычную еду в полноценное оружие массового поражения — это уже не искусство высокой кухни, а чистой воды прикладная химия.

Акихара одарил Осаму холодным взглядом.

— Твои заслуги ничуть не меньше моих, — ровно заметил он.

Фирменный «Бодрящий куриный суп» от Дадзая вогнал Сигму в такую глубокую кому, что парень очнулся без единого воспоминания о пережитом кошмаре. Это варево справлялось с зачисткой памяти лучше любых сывороток допроса из арсенала спецслужб.

— О, вы мне льстите, — притворно смутился Дадзай, отвесив шутовской поклон.

Обменявшись ядовитыми любезностями, два кулинарных «гения» вернулись к рассказу о том, что случилось дальше.

История была незамысловатой: едва Дадзай разгадал истинную разрушительную мощь кулинарного дарования Акихары, как в его голове созрел план весёлого розыгрыша, и он уговорил старшего Годзё слегка разыграть младшего брата и Сугуру.

Подперев подбородок рукой, Акихара с мягкой усмешкой посмотрел на притихшего Сатору.

— Я надеялся, ты сообразишь сам. За столько лет мог бы стать хоть чуточку проницательнее. Но ты снова попался на удочку, глупый Сатору.

Его обводили вокруг пальца в детстве, и сейчас мало что изменилось.

— И ты туда же, — Акихара несильно щелкнул пальцем по лбу Сугуру. — Выглядишь ведь как умный парень, а повёлся на такую чепуху.

Пожутив брата, он легонько постучал по макушке Сугуру Гето. Из них двоих вышли на редкость легковверные конспираторы.

Сатору и Сугуру дружно переглянулись. По их мнению, дело было вовсе не в глупости. Просто когда перед ними стоял Акихара, у них даже мысли не возникало искать подвох. Безграничное доверие делало их абсолютно безоружными.

Спустя некоторое время Киёкадзэ позвал всех к столу. На сей раз обед был самым настоящим — без химических сюрпризов и галлюциногенных бульонов.

Чтобы накрыть стол на большую компанию, Киёкадзэ заказал доставку из ресторана, дополнив её парой домашних закусок. Готовить на семерых-восьмерых с нуля у него банально не хватило бы времени, да и нужные продукты после кулинарных экспериментов Акихары подошли к концу.

Несмотря на покупные блюда, стол ломился от яств. Королём трапезы стал сытный хого в разделенном пополам котелке: одна половина исходила обжигающим острым паром, а вторая оставалась нежно-пряной.

Сакуносукэ Ода, известный своей любовью к экстремально острой пище, сразу придвинулся ближе к пылающей половине. Акихара тоже не возражал против специй. Остальные же гости обходили огненный бульон стороной, поэтому острая часть котелка оказалась в полном распоряжении двоих мужчин.

Из чистого любопытства Сатору выудил из острого бульона сочный мясной шарик с сухожилиями. Но стоило ему раскусить эту адскую смесь, приготовленную по всем канонам сычуаньских мастеров из Чайна-тауна, как мальчишка взвился на месте. Усмирить пожар во рту удалось лишь после того, как он залпом осушил целый пакет молока.

— Огонь! Горю! — вопил Сатору со слезами на глазах, судорожно хватая ртом воздух.

С покрасневшими от специй глазами он до конца вечера даже близко не подходил к коварному котелку.

Десертом по случаю праздника послужили касивамоти. Эти нежные, упругие рисовые пирожки со сладковатой бобовой пастой традиционно заворачивали в глянцевые листья дуба, которые делились с десертом тонким древесным ароматом.

Сатору, который за ужином из-за инцидента со специями съел совсем немного, накинудся на сладости с голодным блеском в глазах. В одиночку он умял добрый десяток пирожков, если не больше.

Сугуру с тихим ужасом наблюдал за этим гастрономическим безумием, всерьез опасаясь, что ночью его другу понадобится неотложка из-за заворота кишок.

Однако Сатору уплетал касивамоти за обе щеки, демонстрируя феноменальную выносливость своего желудка. Сладости исчезали в его бездонной утробе без малейших последствий.

— А теперь за работу! Пора делать коинобори, — объявил Сатору, сыто зажмурившись.

Покончив с десертом, они с Сугуру послушно принялись за исполнение обещания. Единогласно было решено, что флаг для Акихары должен быть ярко-красным.

Дадзай, лениво наблюдавший за их возней со стороны, с любопытством приподнял бровь:

— И почему именно красный?

Цвета в коинобори имели строгий традиционный смысл. Черный карп символизировал главу семейства, отца. Синий или зеленый вешался в честь сыновей. Красный же традиционно олицетворял мать.

«Неужели в глазах этих сорванцов Акихара выполняет роль заботливой мамочки?»

Осаму не удержался от ехидной мысли.

Даже на школьных уроках труда мальчишки не трудились с таким рвением. Они кропотливо выгибали бамбуковый каркас, аккуратно натягивали на него алую бумагу и выводили ровные, изящные чешуйки.

Увлечшись делом, они проигнорировали вопрос Дадзая, но тот и сам догадывался о причине. В силу возраста дети не думали о семейных ролях. Скорее всего, они просто выбрали цвет, в точности повторяющий оттенок алых глаз самого Акихары.

— Осаму, не хочешь пропустить по стаканчику? — негромко предложил Ода, глянув в экран своего телефона. Там как раз висело открытое окно чата с Анго Сакагучи.

Ода убрал телефон в карман. Ему наконец удалось вытащить вечно занятого Анго с работы.

— Идем! — с готовностью отозвался Дадзай.

Получив редкое и невероятно ценное освобождение от бумажной волокиты на целых два дня, Осаму в самом приподнятом настроении покинул виллу вслед за другом. Выходные без отчетов — это ли не истинное счастье?

— Готово! — воскликнул Сатору, с гордостью демонстрируя результат их двухчасовых трудов.

За это время они успели испортить несколько заготовок, но финальный вариант алого карпа вышел на редкость ровным и нарядным. Их совместные старания окупились сполна: бумажная рыба выглядела как настоящее произведение искусства.

— Выглядит куда лучше моих, — искренне похвалил Акихара.

Он порывался было снять свои кривоватые поделки, чтобы переделать их по-человечески, но мальчишки стеной встали на защиту его первых творений, заявив, что те прекрасны и в переделке не нуждаются.

— Да ладно вам, они же совсем кособокие, — заупрямился Акихара, с сомнением глядя на свои работы на фоне их идеального карпа.

Но Сатору крепко ухватил его за руку, не давая сдвинуться с места.

— Даже не думай!

— Я сам его повешу, — скомандовал младший Годзё, забирая алого карпа. — Сугуру, держи брата, чтоб не хулиганил!

Одарив старшего подозрительным взглядом, Сатору ловко взобрался наверх и закрепил их общее творение на флагштоке.

В итоге алый карп занял почетное место над черным и синим флагами, плавно колыхаясь на ветру бок о бок с яркими разноцветными лентами.

Картина радовала глаз. Вот только со стороны эта композиция вызвала стойкое ощущение, будто на вилле счастливо проживает самая обычная семья из трех человек.

<http://bllate.org/book/19395/2004789>